

К вопросу об изучении жизни и творчества архитектора П.Я. Панькова О первой специальности и последних днях архитектора

С.Н. Овсянников

Данная статья содержит две части, связанные между собою только личностью Петра Яковлевича Панькова – удивительного, разносторонне талантливого человека, которому Ярославская земля очень многим обязана и о котором мы знаем до обидного мало. Ростовский мещанин по своему рождению, самоучка по образованию, Паньков многие годы занимал должность губернского архитектора. При этом он отнюдь не просто занимал должность, а был весьма деятельной личностью, много более энергичной, увлеченной, по-хорошему предприимчивой, нежели коллеги-современники, получившие профессиональное образование. Большинство городов Ярославской губернии обязаны ему многими постройками.

В последние годы было опубликовано (преимущественно ростовскими исследователями Р.Ф. Алитовой, А.Е. Виденеевой, А.Г. Мельником) немало новых фактов о деятельности Панькова. Однако, несмотря на это, многое в его биографии остается не вполне ясным. В связи с этим исследователю не приходится пренебрегать не только фактами, но и более общими рассуждениями, которые можно на этих фактах построить.

Одним из таких несомненных фактов жизни Панькова, на которые пока не обращалось специального внимания, была его первая специальность. Все исследователи творчества Панькова твердо уверены, что будущий губернский архитектор был потомственным ростовским резчиком¹. Возможно, что высококвалифицированные работы не были основным занятием его отца, Якова Степановича, однако, авторство Панькова-старшего зафиксировано, по крайней мере, в одном случае – в 1797 г. Я.С. Паньков выполнил иконостас Никольского придела в Покровском храме Ростова Великого². Сам же Петр Яковлевич на протяжении сравнительно недолгого периода своей биографии выступает как создатель нескольких иконостасов. В той же Покровской церкви в Ростове он в 1799 г. изготовил главный иконостас³. В 1809 г. он изготовил по своему проекту иконостас теплой церкви Рождественского монастыря в Ростове⁴.

Любопытно, что одна из работ, где Паньков сумел добиться признания в качестве строителя – перестройка Ярославского Дома призрения ближнего – тоже начиналась с идеи ремонта иконостаса в домовый церкви учреждения. Уже потом выяснилось, что в здании есть куда более насущные нужды, чем «новые резные на полименте царские двери»⁵, а именно: замена конструкций крыши, ремонт перекрытий и перестройка аварийной бани. Тем не менее, возможно, что определённую роль в приглашении Панькова первоначально сыграл его авторитет именно в качестве резчика. Как известно, перестройка Дома призрения ближнего для ростовского мещанина Панькова, «который рвением приобрёл самые [нрзб] познания в архитектуре и будучи [нрзб] особенно усерден»⁶, закончилась в 1818 г. Высочайшим награждением. Последнее было важно не столько своим размером (300 руб.), сколько той ролью, которую оно сыграло в дальнейшей биографии зодчего, ещё не имевшего на тот момент ни диплома, ни устойчивого профессионального статуса.

К сожалению, все упомянутые иконостасы не дошли до нашего времени. Более того, на настоящий момент не известны изображения ни одного из них. Тем не менее, эти данные заслуживают дальнейшего осмысления.

То обстоятельство, что губернский архитектор Паньков не получил профессионального образования, первоначально занимаясь другой работой, в 1820-х гг. было явлением весьма редким, а с воцарением приверженца строгого порядка Николая I стало вовсе невероятным. Однако в предшествующем столетии, в условиях кадрового голода, когда должность губернского архитектора ещё только была учреждена, её подчас (хотя и тоже в виде исключения) занимали люди различных смежных специальностей. Так, Г.К. Смирнов пишет о бывших геодезистах, военнослужащих, и даже о совсем исключительном случае: А.И. Клавер, «27 лет проработав по врачебной части, по собственному желанию и знанию гражданской архитектуры» был назначен орловским губернным архитектором⁷.

Какую-то строгую зависимость между старой и новой специальностями установить довольно сложно. Бывший рисовальщик тамбовский губернский архитектор Усачёв был довольно непрофессиональным и зодчим, и просто чертёжником⁸. В отличие от него в наследии великого А.Н. Воронихина его первая специальность мастера перспективной и миниатюрной живописи сказывалась лишь в особом мастерстве исполнения его проектов.

Тем не менее, уже сам факт воспитания юного Петра Панькова в семье мастера иконостасной резьбы позволяет предположить, откуда он получил первое представление об архитектуре, определившее его дальнейшую судьбу. Более того, это первое представление,

а затем и собственный опыт работы столяра-резчика должны были во многом повлиять и на формирование его творческого почерка.

Мастер, работавший над созданием иконостасов, несомненно, обязан был хорошо представлять набор элементов современной ему архитектуры, в ту пору раннего классицизма. Поэтому колонны, карнизы, фронтоны, их детали и классицистический декор, несомненно, с детства были знакомы Петру Панькову по работам отца и проектным чертежам заказчиков. К тому же именно в это время, в конце XVIII в., утверждение в формах провинциальных иконостасов принципов классицизма сопровождалось их превращением «в настоящие архитектурные сооружения», важным элементом которых становился портик⁹. Однако классицизм резных иконостасов провинциальных церквей весьма значительно отличался от своих первоисточников. На его пропорции и формы огромное влияние оказал тот привычный материал, с которым приходилось работать мастерам-резчикам, – дерево. Да и сама специфика построения иконостаса ещё со средневековых времён мыслилась как каркасная структура, служащая обрамлением икон, зависящая от их пропорций и соотношений. Впоследствии всё это предопределило довольно свободное отношение Панькова (хотя, разумеется, не только его) к трактовке пропорций ордера. Может быть, даже излюбленный впоследствии приём Панькова – портик с парными колоннами и фронтоном, прорезанным аркой, сложился под влиянием композиций иконостасов конца XVIII в., где подобное решение было естественным для оформления центральной части (пусть даже арка – над Царскими вратами – и фронтоном – в верхней части могли быть разнесены по разным ярусам).

Мы отдаём себе отчёт, что вышеизложенные мысли легко могут быть подвергнуты сомнению. Свободное отношение к пропорциям архитектурных сооружений было характерно не только для бывших резчиков по дереву, а практически для всех зодчих, не имевших профессионального архитектурного образования. А фронтоном с аркой появился в творчестве – не одного лишь Панькова, но многих ростовских зодчих – под впечатлением форм Димитриевского собора Спасо-Яковлевского монастыря (1795-1801).

Тем не менее, в ряде произведений П.Я. Панькова его первая специальность нашла зримое и, на наш взгляд, вполне бесспорное подтверждение. Речь идёт о храмовых галереях-папертях.

Наиболее ранняя из них была пристроена к зданию звонницы Спасского монастыря (в нижней части которого располагалась церковь Происхождения Честных Древ). Она была возведена в 1824 г., почти одновременно с надстройкой звонницы по проекту Панькова, и разобрана при реставрационных работах 1920-х гг. Её трехчастный фасад¹⁰ с «готическими» окнами был расчленён парными ко-

ринфскими колоннами и увенчан высоким аттиком, прорезанным полукруглыми, с легким намёком на стрельчатость, арками.

Другая паперть была возведена Паньковым в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре в 1836 г. перед Зачатиевским собором монастыря (1686 г.) и пристроенной к нему по проекту самого Панькова Яковлевской церковью (1824 г.). Эта пристройка должна была сгладить диссонанс весьма непохожих друг на друга храмов, способствуя стилистическому объединению монастырского ансамбля. Она отличается насыщенностью весьма разнообразным по своим истокам декоративным убранством. Зодчий-самоучка неосознанно будто бы предвосхитил ещё не оформившуюся как направление архитектуру эклектики. Каждый из шести пролётов её стены, разделённых парными ионическими колоннами, зодчий декорирует тройной стрельчатой аркой, с неожиданно вписанными в неё опять же ионическими полуколоннами малого ордера. Это сплетение разнородных мотивов последовательно проведено во всём фасадном декоре: над всеми ионическими колоннами и полуколоннами обязательно стоят «обелиски»-пинакли, над прямоугольными проёмами – стрельчатые ниши. Более того, «ампирно-готические» аттики чередуются с определенно барочными, создавая довольно противоречивое впечатление.

Как установил А.Г. Мельник, в конце 1830-х гг. при перестройке собора Петровского монастыря в Ростове к его западному притвору пристроили дополнительные объёмы ризницы и библиотеки, а лицевой фасад всей этой части храма получил единую отделку по проекту Панькова¹¹. Губернский архитектор разработал два её варианта: «готический» и классицистический. Опубликованные в статье А.Г. Мельника чертежи свидетельствуют, что «готический» вариант представлял чуть более упрощённую (без пинаклей) и компактную (трёхчастную) версию паперти Спасо-Яковлевского монастыря.

Осуществленный классицистический фасад уничтоженной вместе с собором пристройки выглядел следующим образом. Центр фасада выделяли четыре композитные колонны, в равные промежутки между которыми были вписаны входной проём и две ниши с круглыми медальонами над ними, а также небольшой купол, низкий барабан которого прорезало миниатюрное полуциркульное окно. Боковые части были завершены небольшими аттиками, увенчанными вазовидными главками.

Формы этого сооружения сближают его с папертью Троицкой церкви Власьевского прихода в Ярославле, появившейся в результате перестройки, осуществлённой в 1831-1833 гг.¹² Документальных доказательств авторства губернского архитектора пока не обнаружено, однако характерный мотив галереи из парных колонн, увенчанных аттиком очень близок рассмотренным выше папертям. В

стилистическом ряду этих построек архитектура паперти Троицкой церкви занимает место между сдержанной «готикой», использованной в Спасском монастыре и суховатым классицизмом пристройки к собору Петровского монастыря.

Впрочем, на наш взгляд, она представляла собою наиболее гармоничный вариант данной схемы. Её автор отказался от усложнённых аттиков и готических мотивов, вероятно, стремясь к единству с формами стоявшей рядом Толгской церкви¹³. Классицистическая паперть Троицкого храма по-иному варьировала мотив колоннады спаренных ионических колонн и арки, на этот раз размещённой под плоским куполом в её центральном пролёте. Спокойные, крупные, несмотря на относительно небольшие размеры, формы новой пристройки довольно удачно соединили древнерусскую архитектуру Троицкой церкви и классицизм Толгской. В результате два храма составили целостный и выразительный ансамбль, к сожалению, уничтоженный в 1930-х гг.

Перечисленные сооружения явно не являются самыми заметными произведениями Панькова. Поскольку все они были пристроены к более ранним зданиям, исследователи воспринимали их, главным образом, как досадное искажение памятника. Единственная сохранившаяся из них – галерея-паперть Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря с её эклектичным смешением разнородных мотивов – не отличается выдающимися архитектурными достоинствами, свидетельствуя, главным образом, о благих намерениях зодчего.

Однако пока никто не отмечал сходство этих построек с церковными иконостасами. Между тем оно просто бросается в глаза. Вероятно, проектные чертежи их фасадов было практически невозможно отличить от аналогичных чертежей иконостасов, только вместо икон зодчий расположил оконные проёмы. При этом последние, как и иконостасные образа, стремятся заполнить всё пространство, не занятое элементами обозначающими конструкции. В Троицкой церкви Власьевского прихода ордерные элементы сочетаются со сплошным остеклением. В остальных случаях не столь уж многочисленные функциональные оконные и дверные проёмы щедро дополнялись декоративными. Впрочем, «декоративные» – вовсе не значит нефункциональные; фальшивые окна зачастую использовались для фресковых образов.

«Иконостасное мышление» сказывается в формах этих галерей едва ли не всюду. Именно оттуда пришли и разнообразные формы аттиков, и необязательные, но весьма любимые Паньковым ромбовидные филёнки и круглые розетки, и остроконечные обелиски и непринуждённое сочетание ампирных, «готических» и барочных форм. Последнее было особенно характерно для проектов иконостасов, где автор нередко соединял в одном изображении множество

вариантов фронтонов, филёнок, орнаментов, предлагая заказчику на выбор целый набор элементов. Что же касается барочных фронтонов, с овальными нишами, то они развились из популярных овальных медальонов по верху иконостаса, заключавших в себе обычно образа праздничного чина.

Таким образом, данный тип галереи-паперти, разработанный П.Я. Паньковым, хотя, несомненно, не относится к числу его крупнейших достижений, но заслуживает несомненного внимания для понимания истоков творчества архитектора, глубоко укорененного в местной традиции.

Другим методом исследования биографии архитектора, разумеется, является архивная работа, направленная на выявление новых фактов его жизни. Парадоксальным образом, до последнего времени точные даты жизни зодчего оставались неизвестными. Что касается года рождения Панькова, то он был вычислен исследователями по документам, в которых был упомянут возраст зодчего¹⁴. Сложнее с годом смерти... В последнее время кончину архитектора относили обычно к 1843 г. Р.Ф. Алитова опубликовала довольно драматичные документы, связанные с тяжёлой болезнью пожилого архитектора, 7 сентября 1842 г. разом покончившей с его профессиональной деятельностью. Он лежал практически лишившись зрения и языка, не владея рукой и ногой, страдая помутнением рассудка, больной, а его коллеги по губернской строительной комиссии пытались выхлопотать ему пенсию. Из этого можно сделать вполне логичный вывод, что вряд ли больной зодчий мог прожить долго.

Мы решили проверить эту, на первый взгляд, правдоподобную гипотезу. Изучив книги с записью жителей Ярославля, исповедавшихся Великим постом 1842 г., мы нашли семью архитектора в Вознесенском приходе¹⁵. В неё в это время входили не только сам «Коллежский Ассесор Пётр Яковлев Паньков» 65 (?) лет и «жена его Елисавета Андреянова» 61 года, но и «племянники их» Екатерина, Евдокия и Варвара Игнатьевы, соответственно 31, 15 и 11 лет. Все они исповедались протоиерею Вознесенского храма Гурию Владимирову.

Следующим шагом было изучение копии метрических книг Вознесенского прихода, начиная со второй половины 1842 г. Однако ни в 1843, ни в 1844 гг. среди умерших прихожан П.Я. Панькова обнаружить не удалось. Несмотря на закравшееся предположение, что больного могли перевезти в другой приход и даже город, изучение списков продолжалось и в итоге увенчалось успехом. В холерном июле 1848 г. в длинном списке среди скончавшихся от эпидемии под двадцать восьмым номером был зафиксирован умерший 30 числа коллежский ассесор Пётр Яковлев Паньков. В качестве причины смерти 78-летнего отставного чиновника было указано: «от старости».

Соответствующие обряды были выполнены тем же вознесенским протоиереем Гурием Владимировым. Таким образом, теперь мы знаем точную дату смерти одного из значимых деятелей культуры Ярославской земли.

**

- ¹ РНБ. Рукописный отдел. Ф. 775 (собрание Титова) ех. № 4614. Л. 101; Виденеева А.Е. Ростовская Покровская церковь во второй половине XVIII-начале XIX веков // ИКРЗ 1998. Ростов, 1999. С. 155-160.
- ² Виденеева А.Е. Указ. соч. С. 158.
- ³ Там же. С. 158.
- ⁴ Мельник А.Г. Ансамбль Ростовского Рождественского монастыря в XVIII – начале XX вв. // СРМ. Вып. XIV. Ростов, 2003. С. 347-389.
- ⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1029. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 15.
- ⁷ Смирнов Г.К. Губернские архитекторы России во второй половине XVIII века // Архив наследия – 2003. М.: Институт наследия, 2005. С. 85.
- ⁸ Грязнова Н.В. Архитектурно-пространственное преобразование российской провинции в конце XVIII-начале XIX веков: замысел и реализация (на примере Тамбовской губернии): автореф. дис.... канд. Архитектуры. Моск. архит. ин-т. М., 2000. С. 17.; <http://www.archi.ru/publications/abstracts/gryaznova.htm>.
- ⁹ Рудченко В.М. Иконостасы XVIII – 1 половины XIX вв. в храмах верхневолжских областей. В кн.: Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983. С. 216.
- ¹⁰ Фасад был удлинен во второй половине XIX в.
- ¹¹ См.: Мельник А.Г. Собор Ростовского Петровского монастыря // ИКРЗ 2001. Ростов, 2002. С. 250-252; Мельник А.Г. Ансамбль ростовского Петровского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990. С. 400-404.
- ¹² В это время там были сооружены новые трапезная с папертью и алтарь.
- ¹³ Построенной в 1825 г., вероятно, по проекту того же Панькова.
- ¹⁴ Вероятно, приоритет здесь принадлежит Э.Д. Добровольской или А.В. Сулову.
- ¹⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 59. Л. 358.